

Gille Z., O'Rian S. 2001. Global Ethnography. — *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. August. P. 271-295.

Hannerz U. 1990. Cosmopolitans and Locals in World Culture. — *Global Culture, Nationalism, Globalization and Modernity* (ed. by M. Featherstone). London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage. P. 237-251.

Jenkins C. 1983. Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements. — *Annual Review of Sociology*. Vol. 9. P. 527-533.

McCarthy J.D., Wolfson M. 1996. Resource Mobilization by Local Social Movement Organizations: The Role of Agency, Strategy and Structure. — *American Sociological Review*. Vol. 6. P. 1070-1088.

Realizing Community: Concepts, Social Relationships and Sentiments (ed. by V. Amit). 2002. L.: Routledge, 192 p.

Robertson R. 1995. Glocalization: Time-space and Homogeneity-heterogeneity. — Fatherstone M., Lash S., Robertson R. *Global Modernities*. L.: Sage, P. 25-44.

Sassen S. 2001. *The Global City: New York, London, Tokyo*. — Princeton: University Press, 472 p.

Tsing A. 2000. The Global Situation. — *Cultural Anthropology*. Vol. 15. Is. 3. P. 326-360.

Urry J. 2003. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 172 p.

УДК 316.733

ШАОВ Асфар Аскерович —

д. филос. н., доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета.

385000, Россия, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208

asfarshaov@mail.ru

НЕХАЙ Вячеслав Нурбиевич —

к. соц. н., доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета.

slava0482@mail.ru

СОЦИОИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ АДЫГОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

SOCIAL INTEGRATION POTENTIAL OF ADYGEAN TRADITIONAL CULTURE IN THE GLOBALIZING WORLD

В статье рассматриваются особенности трансформации социоинтегративного потенциала адыгов, основу которого составляет нормативно-регулятивная система «адыгагэ» — адыгство. Авторы указывают, что в условиях размывания социокультурного пространства малочисленного адыгского этноса и усиления глобализационных процессов феномен адыгства претерпевает значительные изменения. Как показывают результаты социологических исследований, проведенных сектором философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени А.Т. Керашева и авторским коллективом, роль адыгства в репродуцировании традиционных этнокультурных ценностей адыгов снизилась, что, в свою очередь, повышает склонность адыгской культуры к рецепции инокультурных ценностей и одновременно ослабляет ее этнокультурный иммунитет.

Ключевые слова: социоинтегративный потенциал, адыги, традиционная культура, адыгство, глобализация

This article discusses features of Adygean social and integrative potential's transformation, which is based on the normative regulatory system of Adyges, so called «adygage». The authors point out that in the context of blurring of Adygean social and cultural space and strengthening of globalization, a phenomenon of «adygage» suffers

significant changes. According to results of sociological surveys conducted by ARIGI and by the authors, the role of «adygag» in reproducing the traditional ethno-cultural values of Adyges is decreased, and that increases the elasticity of Adygean culture on accommodation of foreign values and at the same time weakens its ethnic and cultural immunity.

Keywords: *social and integrative potential, Adyges, traditional culture, «adygag», globalization*

Социально-исторический процесс развития человечества закономерно становится объектом исследования социологической науки, поскольку, характеризуя его, ученые получают возможность объяснить содержание современных социокультурных феноменов, а также эксплицировать их футуродинамику, т.е. перспективы их существования в будущем. В интересующем нас аспекте общественно-исторический процесс представляет собой результат интеграционных и дезинтеграционных тенденций в жизни человечества, которые характеризуются образованием, развитием и распадом многочисленных этносов. За прошедшие тысячелетия многие этнокультурные объединения (ассирийцы, печенеги, хазары и т.д.) исчезли с лица земли. В начале XXI в. в условиях социокультурной глобализации, когда резко стираются национальные границы, наступают ценности массовой культуры, усиливаются миграционные процессы, значительное число этносов могут пополнить список «безвременно ушедших народов». Наибольшие опасения вызывают малочисленные этносы, которые подвергаются сильному инокультурному влиянию в частности и глобализационному воздействию в целом. Степень подобных влияний возрастает по мере сокращения численности этноса и увеличения дисперсности его расселения.

Результатом указанных процессов становится то, что малочисленные этносы утрачивают языковые, этнокультурные признаки, а прежнее этническое самосознание постепенно заменяется новыми лояльностями. Между тем, сохранение культуры как носителя этнического начала каждого народа, его традиций, морально-этических ценностей, определяющих весь строй мировоззренческих и идейно-политических ориентаций людей [Гаджиев 2013: 108], имеет первостепенное для человечества значение. Не случайно проблема

сохранения и дальнейшего развития культуры малочисленных этносов в условиях преобладания ценностей массовой культуры, инфильтруемых глобализацией, с каждым годом привлекает все большее внимание исследователей и объективно стимулирует поиск новых направлений в решении задач по сохранению этнокультурного разнообразия мира.

В этой связи особую значимость приобретает изучение проблемы сохранения автохтонных этносов Северного Кавказа. Практически все северокавказские этносы исторически определились со своими этнонимами, четко обрисовали контуры своей идентичности. Исключение составляют адыги, которые расселились в более чем 70 странах мира, утратили свою территориальную целостность и не смогли установить общее самоназвание. Проблема самоидентификации этноса в адыгском мире стоит довольно остро и, следовательно, остается темой для дискуссий [Шаов 2009: 147].

Адыги (черкесы) – общее название современных адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов. Все адыги имеют единое происхождение, общую традиционную культуру и близкородственные языковые связи. Численность адыгов в мире, по разным оценкам, варьируется от 3 до 7 млн чел. Подавляющее большинство адыгов было выслано в Османскую империю после окончания русско-кавказской войны в 1864 г. В настоящее время черкесы проживают в Турции, Сирии, Иордании, Германии, Израиле, США и других странах. Потомки адыгов, оставшихся на своей исторической родине, проживают на Северном Кавказе в четырех субъектах РФ – Республике Адыгея (РА), Кабардино-Балкарской Республике (КБР), Карачаево-Черкесии и Краснодарском крае [Адыгская (Черкесская) энциклопедия... 2006: 7].

С началом нового тысячелетия в связи с демократизацией социально-политической сферы, насаждением новых, достаточно чуждых адыгам куль-

турных образцов традиционная адыгская культура подверглась испытанию на стойкость. С одной стороны, глобализация, инкорпорируя в сознание малочисленных автохтонных этносов ценности массовой культуры, нивелирует культурное ядро и размывает его базовые элементы. С другой стороны, способствуя распространению информационно-коммуникационных и компьютерных технологий, разрушая государственные границы, глобализация предоставляет малочисленным этносам возможность транслировать ценности своей культуры на все мировое пространство и поддерживать экономические, политические и культурные связи этноса с диаспорами. В этих условиях адыгскому народу необходимо приложить огромные усилия по сохранению своей идентичности. По сути, речь идет о возможности адаптации традиционной культуры адыгов к процессам модернизации, о возможности приспособить инновации к культурному ядру.

И действительно, как отмечает С.А. Ляушева, модернизация не противостоит традиции, она является результатом смещения акцента в представлении об относительной значимости культурных комплексов, весь набор которых в той или иной форме присутствует во многих человеческих культурах [Ляушева 2006: 41]. Традицией, которая на протяжении многих столетий сохраняет самобытность черкесов и позволяет всему адыгскому народу поддерживать духовное и соционормативное единство, является феномен адыгства. Указанное явление представляет широкий научный интерес для социологов и культурологов, поскольку оно содержит в себе основу этнической психологии адыгов и образует, наряду с языком, материальной культурой, сознанием, основу социокультурной жизни черкесов. Исследованию адыгства посвящены труды многих ученых, среди которых следует выделить Т.И. Афасижева, Б.Х. Бгажнокова, С.А. Ляушеву, А.А. Шаова, Р.А. Ханыху.

Б.Х. Бгажноков рассматривает адыгство как сложную ценностно-этическую систему, основу которой составляют терминальные (базовые) и инструментальные ценности. В системе адыгской этики роль терминальной ценности

выполняет человечность, все другие ценности образуют инструментальную субсистему адыгства. На деле это означает, что адыгство обязывает человека быть добрым, отзывчивым, почтительным, великодушным во имя одной высшей цели – человечности. С учетом этих обстоятельств архитектонику адыгства можно представить следующим образом: почтительность, разум, мужество, честь – это инструментальные ценности, поддерживающие человечность как ценность терминальную [Бгажноков 2011].

Это подтверждают результаты социологического исследования по теме: «Культурно-этический феномен адыгагъэ в современном сознании и поведении адыгов», которое было проведено отделом философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований (АРИГИ) в 1995–2000 гг. и охватило Причерноморскую Шапсугию, Адыгею, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию, Москву, Санкт-Петербург, Краснодар, Стамбул. Выборочная совокупность, полученная методом случайного отбора, составила 2 500 респондентов и обеспечила достоверные результаты с отклонением в +5%. Согласно полученным данным, свыше 30% респондентов связывают адыгство с человечностью [Ханыху 2002: 178–181]. В своем поведении нормам «адыгагъэ» «стараются следовать» 55% опрошенных, «не всегда следуют» – 21%, «следуют постоянно» – 20% и «не руководствуются ими» – 30%. По мнению 27% респондентов, «адыгагъэ» чаще всего проявляется в повседневных отношениях с людьми, а 10% считают, что оно применимо лишь в отношениях с детьми и стариками.

Полученные АРИГИ данные коррелируют с результатами социологического исследования, проведенного авторами в Республике Адыгея, Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике и среди адыгов Краснодарского края в 2010–2011 гг. с объемом выборочной совокупности в 1 650 респондентов. Отбор опрашиваемых лиц проводился по определенным признакам (этническая идентичность и место жительства).

Согласно нашему исследованию, тре-

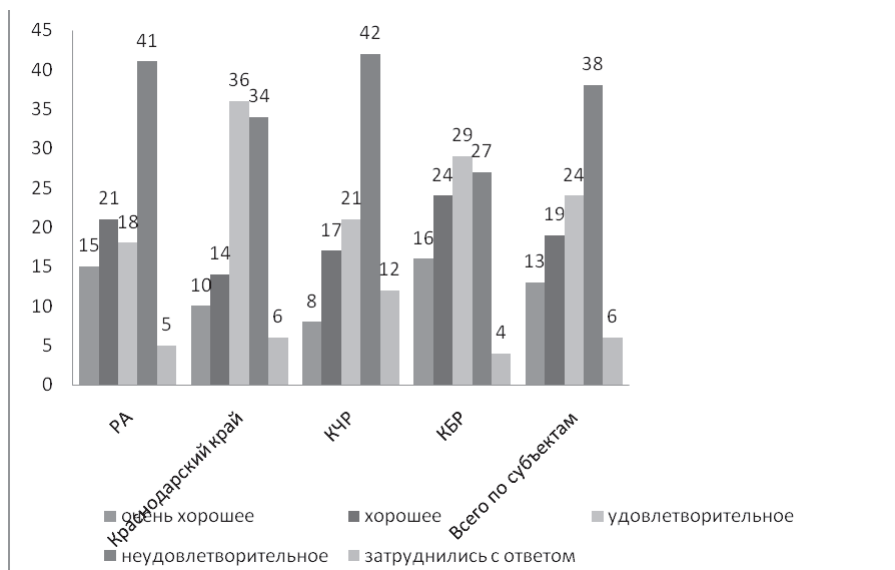

Рисунок 1. Оценка респондентами актуального состояния «адыгагэ» (в % от числа опрошенных)

бованиям адыгства стараются следовать 52% опрошенных, 17% придерживаются «адыгагэ» в некоторых случаях, 19% выполняют его требования постоянно. В то же время наблюдается рост числа черкесов, которые не руководствуются предписаниями «адыгагэ». Меньше всего адептов адыгства проживает в Краснодарском крае (32%) и в Карачаево-Черкесии (23%). В то же время в Адыгее их доля составляет 84%, а в КБР — 89%, что свидетельствует о важности соционормативной роли адыгства в общественной жизни черкесов.

Рассматривая возможность встраивания системы адыгства в современную жизнь, сотрудники АРИГИ предложили респондентам оценить актуальное состояние «адыгагэ». Всего 9% опрошенных ответили, что в адыгском этносе оно сейчас процветает, 43% респондентов оценили его состояние как удовлетворительное, а 48% — как неудовлетворительное, что может свидетельствовать о частичном отмирании данного соционормативного принципа в духовной жизни людей [Ханаху 2002: 180]. Спустя 10 лет ответы на вопрос: «Как Вы оцениваете современное состояние “адыгагэ”?» — распределились следующим образом (см. рис. 1).

В адыгской среде наблюдается сниже-

ние числа лиц, следующих традициям адыгства, хотя большинство опрошенных утверждают, что стараются придерживаться морально-нравственной и этической традиции «адыгагэ». Таким образом, с одной стороны, в адыгском мире фиксируется сохранение «адыгагэ» вопреки всем обстоятельствам жизни черкесов в условиях территориальной дезинтеграции XIX–XX вв. С другой стороны, роль адыгства в современной жизни адыгского этноса снижается, что вызывает беспокойство у научной общественности Адыгеи.

Наряду с «адыгагэ» традиционную соционормативную систему адыгов образует и «адыгэ хабзэ». Этот термин имеет двухсоставную основу: феодальное право со всеми его ответвлениями (гражданское, трудовое, судебное, административное и т.д.) и традиционный адыгский этикет: общепризнанные принципы и правила поведения. Следовательно, «адыгэ хабзэ» — это адыгский морально-правовой кодекс. Само «хабзэ» есть универсальный способ, или механизм, воспроизводства общественных связей и отношений, который в быту ассоциируется с нормой, обычаем, ритуалом, обрядом, традицией и привычкой.

«Адыгэ хабзэ», по утверждению

Б.Х. Бгажнокова, было отражением синкретизма соционормативной культуры феодальной Черкесии, когда в рамках единой системы функционировали, активно взаимодействуя друг с другом, юридические и морально-этические нормы и установки. Причем приживались только те «хабзэ», которые отвечали условиям и потребностям быта народа, тем самым образуя нормативный каркас адыгства.

Организационное единство «адыгэ хабзэ» с «адыгагъэ» приводило к взаимному усилению роли и авторитета каждого из этих институтов. С одной стороны, моральное обоснование правовых норм естественным образом повышало их социальную ценность и действенность, с другой — возрастала значимость правил хорошего тона и этикета в силу того, что некоторые нормы этикета считались одновременно и нормами права. Основу адыгского этикета составляют общечеловеческие, а следовательно глобальные (общепланетарные) коммуникативно-бытовые поведенческие нормы приличия, способы установления контакта и выражения почтительного, уважительного отношения. Они поддерживаются силой привычки и общественного мнения, а также санкциями, которые обычно не выходят за рамки порицания. Поэтому морально-этический и правовой кодекс адыгов получил не только общеадыгское, но и международное признание, способствуя интеграции народов и культур Северного Кавказа.

Автономную подсистему адыгского кодекса составляли обычно правовые «хабзэ». Они закреплялись законодательно вместе с санкциями, которые предусматривались в случае их нарушения. В прошлом это были характерные для феодального общества нормы, определявшие формы землепользования, отношения между классами и сословиями, повинности зависимого населения и порядок исполнения воинских обязанностей, права наследования имущества и ответственность за преступления, права и формы деятельности законодательных собраний — хасэ, судебных органов и т.д. Такой широкий функциональный набор принципов социального регулирования жизни адыгов

превращал «адыгэ хабзэ» не только в социокультурный, но и в правовой интегратив черкесов.

Таким образом, в структуре феодального «адыгэ хабзэ» выделялись подсистема права и подсистема этикета, включающая в себя и рыцарско-дворянский этикет — «уэркъ хабзэ». Обе оформились в современный двухсистемный морально-правовой кодекс адыгов. Первую часть кодекса образует правовой компонент, в котором акцент делается на идеи патриотизма («отчизна», «родина», «страна»). Вторую часть «адыгэ хабзэ» образует адыгский этикет, в основе которого лежат нормы взаимного уважения и признания, согласия и понимания: уважение и почитание старших, женщин, гостей, детей и родственников, а также самоуважение, благожелательность и скромность. Они являются способами повседневной духовно-нравственной организации адыгского общества, которые сохраняют свою актуальность во все времена.

Следовательно, «адыгэ хабзэ» является важным сегментом адыгства, которое в свою очередь выступает в качестве ценностно-психологической базы «адыгэ хабзэ» и придает его нормам и институтам жизненный смысл и культурную значимость. Кроме того, «адыгагъэ» интегрирует нормы «адыгэ хабзэ» в единую социокультурную систему через адаптацию их к требованиям времени в условиях глобализирующегося мира и высокой степени диссипативности расселения адыгов.

Подводя итоги, следует отметить, что адыгство — это не только этическая система, допускающая и разрешающая разнообразные способы и стили нравственного поведения, но также и социальный институт, который выполняет важные ориентирующие и контролируемые функции, призванные оказывать влияние на индивидуальные моральные коды, не допускать отклонений, способных нарушить равновесие сложившихся социальных связей и отношений. «Адыгагъэ» представляет собой механизм ментальной организации и этической рационализации фактов и отношений действительности, социально заданный способ конструирования социальной реальности. Вместе с тем оно также является и сво-

бодой выбора и осуществления желаемого или возможного в рамках определенного морального континуума [Адыгство... 2011]. Благодаря богатству своих внутренних возможностей, соционормативная система адыгов опережала культуру производства и жизнеобеспечения. Это превратило ее в механизм социальной консолидации и двигатель развития духовной и материальной культуры адыгов, позволило ей сохранить свою аутентичность.

Вместе с тем адыгство как соционормативная система представляет собой фактор вхождения адыгского этноса

в глобализационные процессы, поскольку оно формирует систему толерантных отношений с другими народами посредством манифестации человечности в качестве терминальной ценности. В то же время социокультурная глобализация посредством формирования благоприятных условий для энтропии этнической идентичности способствует нивелированию регулятивного потенциала адыгства, что, несомненно, усложняет перспективу сохранения традиционной соционормативной системы культуры адыгского этноса в обозримом будущем.

Литература

Адыгская (Черкесская) энциклопедия (под ред. А.М. Кумахова). 2006. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 1248 с.

Адыгство и жизненный мир личности. 2011. *Адыги RU*. Доступ: <http://www.adygi.ru/index.php>. (проверено 06.06.2011).

Бгажноков Б.Х. 2011. *Адыгская этика как соционормативная система*. Доступ: <http://www.ethics.kbsu.ru/book.htm>. (проверено 18.09.2011).

Гаджиев К.С. 2013. Современный американский консерватизм: социокультурный аспект. – *Власть*, № 12. С. 104-108.

Ляушева С.А. 2006. «Ядро культуры» и «базовые культурные характеристики» как категории теорий культуры. – *Философия. Социология. Культурология*. Вып. 5. С. 39-47.

Ханаху Р.А. 2002. *Мир культуры адыгов*. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 516 с.

Шаов А.А. 2009. Этническая и религиозная идентичность: специфика взаимодействия. – *Вестник Адыгейского государственного университета*. Вып. 3. С. 140-147.
